

УДК 347.191.3, 347.191.43
DOI 10.52452/19931778_2024_3_112

ЗАЩИТА КОРПОРАТИВНЫХ ПРАВ ОТ НЕРАЗУМНЫХ И НЕДОБРОСОВЕСТНЫХ ДЕЙСТВИЙ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ КОРПОРАЦИИ

© 2024 г.

В.К. Левашов

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

vovl99@mail.ru

Поступила в редакцию 01.04.2024

Исследуется вопрос о возможных средствах правовой защиты, которыми могут воспользоваться участники корпоративных юридических лиц для защиты принадлежащих им прав от неразумных и недобросовестных действий исполнительных органов корпорации. Автор приходит к выводу, что в настоящее время наиболее доступным средством защиты для участников является косвенный иск о взыскании с исполнительных органов организации причиненных убытков; применение иных средств защиты либо невозможно, либо серьезно затруднено в силу законодательных ограничений. Предлагается новый подход к обоснованию допустимости оспаривания участником корпорации принятых дочерним обществом корпорации решений в случае выхода принимавших участие в голосовании исполнительных органов корпорации за пределы предоставленных им полномочий или голосования за решение, явно направленное к ущербу представляемой исполнительным органом организации.

Ключевые слова: юридические лица, косвенные иски, ответственность руководителя за причинение убытков, решения собраний, оспоримость и ничтожность решений собраний.

Проблема поиска надлежащих средств правовой защиты прав участника корпорации в случае злоупотребления управляющими органами компании предоставленными им полномочиями продолжает оставаться актуальной. Цель подобного поиска – установление наиболее оптимального с точки зрения политики и доктрины права баланса между интересами участников корпорации и ожиданиями третьих лиц от вступления во взаимоотношения с корпорацией. В рамках такого поиска особую сложность представляет выявление и обоснование подлежащего средства правовой защиты в ситуации, когда нарушение интересов участников происходит не ввиду совершения их организацией «собственной» сделки или принятия органом ее управления того или иного решения «в рамках собственной зоны ответственности», а ввиду деятельности этой организации как участника иной, дочерней компании.

В указанных случаях возникает вопрос о средствах правовой защиты, избираемых участником материнской организации. В настоящее время общепризнанным способом защиты, в правомерности обращения к которому в такой ситуации едва ли сомневается хотя бы один исследователь, является предъявление требований к единоличному исполнительному органу о возмещении обществу (и косвенно участнику) убытков, причиненных в результате соверше-

ния недобросовестных и неразумных действий (статья 53¹ Гражданского кодекса Российской Федерации [1] (далее – ГК РФ)). По русскому праву подобный иск допускается только против лиц, уполномоченных выступать от имени организации (пункт 1 статьи 53¹ ГК РФ), членов коллегиальных органов управления (пункт 2 статьи 53¹ ГК РФ) или лиц, имеющих фактическую возможность определять действия юридического лица (пункт 3 статьи 53¹ ГК РФ). Если нарушение интересов участников произошло в результате деяний, совершенных кем-либо из перечисленных лиц, то предъявление подобного требования выглядит обоснованно; интересы третьих лиц при обращении к такому средству защиты не упоминаются вовсе.

Сложнее обстоит дело в ситуации, когда подобные убытки причиняются в результате действий управляющих органов самой дочерней организации: при таких обстоятельствах прямой иск о взыскании с дочерней организации причиненных убытков материнской компании и ее участникам недоступен¹, а предъявление требования к руководителю основного общества на первый взгляд кажется необоснованным. Впрочем, в случае, когда руководитель (единоличный исполнительный орган) основного общества не предпринимает действий (как участник дочернего общества) по взысканию с лиц, определяющих решения дочернего общества, убыт-

ков, причиненных дочернему обществу, ситуация выглядит уже обратной, и взыскание убытков с единоличного (а возможно, даже и коллегиального) исполнительного органа основной компании выглядит уже допустимым [2]².

В описанной ситуации некоторым зарубежным правовым порядкам (относящимся преимущественно к странам англосаксонской правовой традиции) известен также так называемый «двойной» или «множественный» «производный иск» (*double or multiple derivative action*), посредством которого участники могут искать удовлетворения за счет руководителя организации, являющейся по отношению к основному обществу дочерней. Допустимость подобной конструкции объясняется тем, что поскольку дочерняя компания имеет иск против тех, кто совершил правонарушение, и поскольку такой иск может подать всякий участник дочерней организации, постольку же участник материнской организации, являющейся участником дочерней, должен иметь право подать «родительский» иск о взыскании убытков [3, p. 145].

Применительно к российскому правовому порядку, надо сказать, подобная конструкция оказывается невозможной ввиду того, что закон прямо предусматривает, что с иском о взыскании убытков может обратиться только сама организация или действующие от ее имени участники (пункт 1 статьи 53¹ ГК РФ), а не участники участников³. Даже если допустить, что участник материнской организации подает свой иск не «вместо», как то предусматривается самой конструкцией данного требования, участников дочерней, а как самостоятельный иск ввиду того, что косвенно именно ему были причинены убытки, такой иск все равно окажется невозможно удовлетворить: в силу господствующей в отечественном праве теории действия органов юридического лица приравниваются к действиям самого юридического лица [4, с. 110–112], почему в случае причинения действиями руководителя дочерней организации ущерба интересам участников материнской организации отвечать, по общему правилу, должно само дочернее общество (статья 1068 ГК РФ), а не руководитель такового. С выводами о недопустимости подобной конструкции в российском праве согласна и юридическая практика [5]. В целом можно согласиться с выводами тех исследователей, которые отмечают, что сложностей от допущения подобной конструкции в отечественном праве возникнет слишком много, а обоснований для такого допущения недостаточно [6, с. 124–125].

Но куда чаще угроза для участников корпорации исходит не от деятельности руководителя

дочерней организации, а от деятельности исполнительных органов самой корпорации. Дело в том, что обычно размер причиненных ими убытков не поддается точному исчислению, а если и поддается, то «утраченные выгоды» могут оказаться в любом случае несоизмеримо больше убытков, которые можно истребовать с недобросовестного руководителя.

Одним из примеров последнего вида являются действия руководителя основного общества по голосованию на общем собрании участников дочернего общества за принятие невыгодного для основного общества решения, а конкретно – голосования за изменения размера уставного капитала дочернего общества, в результате которого головное общество без достаточной компенсации лишается возможности оказывать на деятельность дочернего общества влияние, которое оно могло и продолжало бы оказывать, если бы соответствующее решение не было принято.

В таких условиях естественной выглядит попытка со стороны «пострадавшего» участника головной корпорации обратиться с иском о признании недействительным решения, принятого дочерней корпорацией. Однако подобное обращение встречается с серьезным препятствием в виде формулировок соответствующих положений гражданского закона, который предписывает, что решение собрания вправе оспорить в суде «участник соответствующего гражданско-правового сообщества», не принимавший участия в голосовании или голосовавший против оспариваемого решения (абзац 1 пункта 3 статьи 181⁴ ГК РФ). Аналогичные положения содержатся и в законодательстве об обществах с ограниченной ответственностью (пункт 1 статьи 43 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» [7] (далее – ФЗ об ООО)) и об акционерных обществах (абзац 1 пункта 7 статьи 49 Федерального закона «Об акционерных обществах» [8] (далее – ФЗ об АО)). Участник собрания, голосовавший за принятие соответствующего решения или воздержавшийся, может оспорить его только в случае, если его волеизъявление при голосовании было нарушено (абзац 2 пункта 3 статьи 181⁴ ГК РФ).

Очевидно, что «участниками гражданско-правового сообщества» в смысле вышеназванных положений Гражданского кодекса в совокупности со специальным законодательством могут быть признаны только лица, которые в силу закона могут участвовать в управлении обществом, то есть это может быть либо сам участник хозяйственного общества (в том числе действующий через представителя), либо лицо,

которому участник эти права временно передал (например, залогодержатель). Более того, с учетом сложившейся к настоящему времени судебной практики правом на такое оспаривание обладает только участник, который был участником в момент принятия оспариваемого решения и остается им к моменту вынесения конечного судебного акта [9]⁴.

Несколько «расширить» подобные «узкие» формулировки закона вкупе со сложившейся судебной практикой позволяет Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17 февраля 2015 года № 404-О, которым было признано, что положения ГК РФ о ничтожных решениях собраний «призваны обеспечивать защиту прав и законных интересов как самих участников данного гражданско-правового сообщества, так и иных лиц, для которых принятие указанных решений также может порождать правовые последствия, на которые эти решения направлены» (пункт 2) [12]. В формулировках, в каких суть этого определения изложил Верховный Суд в пункте 106 Постановления Пленума Верховного Суда от 23.06.2015 № 25 [13] (далее – Постановление № 25), это означает, что правом на оспаривание решения по мотиву ничтожности обладают «любые лица, имеющие охраняемый законом интерес в... признании» решения недействительным (абзац 1 пункта 106).

Это обстоятельство, на наш взгляд, позволяет говорить, что действующее право дает правомочие на обжалование также лицам, которые права участия в корпорации не имеют, но являются ее выгодоприобретателями как участники «родительских» корпораций. В известном деле № А40-104595/2014 Верховный Суд России предписал рассмотреть требования такого субъекта «как иного лица, для которого оспариваемое решение породило определенные правовые последствия» [14]. В результате выгодоприобретатель был определен как «конечный собственник... общества», почему за ним было признано право на обжалование решения общего собрания [15].

Данное дело также часто обсуждают в контексте допустимости в российском праве двойных производных (косвенных) исков. Одни исследователи ссылаются на это дело как на основу для применения зарубежной правовой конструкции [16, с. 300; 17, с. 28], другие подобную квалификацию отвергают. В качестве примера последней точки зрения можно привести позицию И.З. Халифаева, который считает, что в приведенном деле лицо «защищало свой интерес не как участник материнского общества, а как субъект, не связанный с обществом» [6, с. 121], в

силу чего это дело нельзя рассматривать как пример заявления участником двойного косвенного иска [6, с. 120]. Мы в целом с подобной позицией согласимся, ведь исходя из того, как в зарубежных правовых порядках понимают *derivative action*⁵, можно сделать однозначный вывод, что этим понятием охватываются только иски о взыскании убытков⁶, поэтому рассматривать приведенное дело в контексте допустимости в российском праве «двойных производных исков» некорректно.

Тем не менее нельзя не отметить, что у этого дела есть то, что роднит его с делами по рассмотрению обычных косвенных исков участников: как при заявлении таковых требований выгоды от удовлетворения иска получает не фактически заявитель, а организация, от имени которой он как законный представитель выступает (абзацы 5 и 6 пункта 1 статьи 65² ГК РФ)⁷, так и в данном случае прямые выгоды предъявляющего иск «конечного собственника» оказываются неочевидны, несмотря на то, что данный иск формально относится к прямым [19, с. 98–99]. Разрешить данное противоречие возможно только в случае, если признать, как сделал Верховный Суд при рассмотрении другого дела, что «преимущественно интересы корпорации сводятся именно к интересам всех ее участников и обусловлены ими» [20]⁸.

Однако даже в таком случае не снимается проблема, выражающаяся в том, что соответствующее требование возможно предъявить только в случае ничтожности соответствующего решения, в то время как даже взятое нами для примера решение (об увеличении уставного капитала) в случае обращения с требованием о признании его недействительным по мотиву противоречия такого решения интересам общества является с точки зрения действующего права примером именно оспоримого, а не ничтожного решения⁹. Какие в таком случае возможны выходы?

Во-первых, можно предложить дожидаться внесения соответствующих изменений в законодательство, которые бы прямо закрепили в законе правомерность заявления «конечными собственниками» требований о признании соответствующих решений недействительными. В литературе было даже высказано предположение, что подобного результата можно добиться через механизм дачи высшей судебной инстанцией обязательных разъяснений посредством творческого использования правил части 8 статьи 11 Федерального закона от 26 июля 2006 года № 135-ФЗ «О защите конкуренции» [19, с. 112]. Однако такое решение представляется маловероятным: само по себе закрепление допустимо-

сти предъявления исков «через голову» является очень редким, а точнее – исключительным явлением в мировой практике¹⁰; в большинстве правовых систем, особенно тех, которые относятся к романо-германской правовой семье, подобное законодательное определение круга возможных заявителей не встречается¹¹. В российских же реалиях против реализации указанных предложений работает также то, что судебная практика в настоящее время избирает преимущественно иной путь.

Данный **второй путь** заключается в том, что суды, не изменяя сущности предъявляемого требования как направленного на уничтожение соответствующего решения общего собрания дочернего общества, внешне облачают его в форму иных предусмотренных законодательством требований. Например, предлагается облачать такие требования в форму заявлений о признании недействительными решений исполнительных органов корпорации (абзац 4 пункта 1 статьи 65² ГК РФ; пункт 3 статьи 43 ФЗ об ООО¹²). Логика при таком подходе следующая: поскольку в дочерних организациях от имени материнского общества при принятии любых решений высшими органами управления дочерней организации выступает именно единоличный исполнительный орган материнской компании, то принимаемые им в ходе подобного выполнения функций решения можно оспорить, равно как и всякое иное решение исполнительного органа общества.

Именно такой подход нашел свое отражение в деле № А56-62239/2017. В этом споре истец, которой принадлежало 50% долей в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью, обратилась в суд с иском о признании недействительным решения единственного участника дочерней компании, а также заключенной во исполнение этого решения дочерней компанией сделки. Ответчики, возражая против удовлетворения указанных исковых требований, ссылались на то, что истец «не имеет права на обжалование спорного решения», поскольку «не является и не являлась... участником» дочерней компании. Тем не менее суды приняли решение в пользу заявительницы. Как указано в постановлении Арбитражного суда Северо-Западного округа, «истец как участник Общества наделена правом на обжалование решения единоличного исполнительного органа... которым фактически и является оспариваемое решение» общества как единственного участника дочерней компании.

Что обращает на себя внимание в таком подходе, так это отождествление понятия «решение», использованного в пункте 3 статьи 43

ФЗ об ООО, с понятием «решения», о котором идет речь в статье 39 ФЗ об ООО. Такой подход в целом не характерен ни для отечественных исследователей¹³, ни для судов. Можно привести несколько примеров. Так, Высший Арбитражный Суд Российской Федерации в Определении от 12.05.2009 № ВАС-5274/09 по делу № А60-11224/2008-С11 поддержал позицию нижестоящих судов, которые решили, что не всякий акт единоличного исполнительного органа возможно рассматривать как решение в смысле пункта 3 статьи 43 ФЗ об ООО, в частности в качестве такого акта нельзя рассматривать подписанный руководителем организации отзыв на исковое заявление [26]. В другом Определении от 03.07.2009 № ВАС-8105/09 по делу № А32-12181/08-55/191 Высший Арбитражный Суд высказался еще более определенно, отметив, что под «решениями» в смысле пункта 3 статьи 43 ФЗ об ООО можно понимать только такие акты, которые принимаются органами юридического лица «в рамках выполнения организационно-распорядительных или административно-хозяйственных функций», причем было отдельно отмечено, что к таковым нельзя отнести «сделки, заключаемые в рамках обязательственных правоотношений» [27]¹⁴.

Но даже если принять предложенное в деле № А56-62239/2017 расширительное значение слова «решение», остается открытым вопрос об основаниях, по которым соответствующее решение может быть признано недействительным. Напомним, что согласно пункту 3 статьи 43 ФЗ об ООО таких оснований два: а) нарушение требований закона или устава общества и б) нарушение законных интересов участника общества¹⁵. В рассматриваемом же деле суды увидели в качестве основания недействительности соответствующего решения «нарушение инвестиционных интересов участника». Однако были ли подобные интересы у участника в действительности с учетом того, что решение касалось не деятельности общества, участником которого истец являлась, а деятельности дочернего общества, участником и соответственно инвестором которого было само общество, – вопрос, не нашедший, к сожалению, ответа в судебных актах.

Альтернативный способ квалификации таких требований предложил в недавнем определении по делу № А40-219032/2022 Верховный Суд Российской Федерации – квалифицировать соответствующие решения в качестве сделок и признавать их недействительными именно как сделки.

Необходимо сказать, что сама идея квалификации решений собраний в качестве сделок не

нова. Подобная квалификация решений собраний встречалась как в практике самого Верховного Суда [29], так и в практике иных судов. При этом особенно часто к подобной квалификации суды прибегают при рассмотрении семейных споров. Связано это с тем, что, согласно господствующей точке зрения, супруг участника хозяйственного общества, будучи даже юридически собственником доли участия в обществе, корпоративных прав по отношению к юридическому лицу не имеет, то есть не является участником общества [30]. В таких условиях суды для защиты интересов супругов от злоупотреблений выработали подход, согласно которому признается допустимым квалифицировать соответствующее решение собрания как сделку, признавая впоследствии его недействительным по специальным семейным основаниям недействительности¹⁶.

Но даже с учетом этих обстоятельств подход, предложенный Верховным Судом, нельзя не признать новаторским. Каковы были обстоятельства дела?

В обществе с ограниченной ответственностью «Современные станочные технологии» (далее – общество «ССТ») было два участника: первому участнику принадлежала доля в уставном капитале в размере 47.15%, а второму – в размере 52.85%. При этом общество «ССТ» было участником другого общества с ограниченной ответственностью «Станхолдинг-инвест» (далее – общество «СТИ») с долей в размере 99.112%. На общем собрании общества «СТИ» 02.03.2022 было принято решение, за принятие которого проголосовал второй участник общества «ССТ» как генеральный директор последнего. До этого общим собранием общества «ССТ» было принято решение о голосовании на общем собрании общества «СТИ» определенным образом.

Узнав о факте принятия указанных решений, первый участник общества «ССТ» обратился в арбитражный суд с требованием признать недействительным как решение общего собрания участников «ССТ» (ввиду отсутствия необходимого согласно уставу большинства для принятия оспариваемого решения, а также в силу неуведомления его о факте проведения такого собрания), так и решение общего собрания участников общества «СТИ» от 02.03.2022.

Суды трех инстанций отказали в удовлетворении обоих требований. После этого жалоба на решения судов поступила в Верховный Суд, который Определением от 16 ноября 2023 года № 305-ЭС23-13487 [32] отменил акты нижестоящих судов, отправив дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции. Мотивы такого определения состояли в следующем.

1. По первому требованию Верховный Суд указал, что суды проигнорировали разъяснения, данные им пункте 5 Обзора практики по хозяйственным обществам, а также не приняли во внимание замечания истца касательно того, что без принадлежащих ему голосов принятие оспариваемого решения было в силу устава невозможно. В этой части решение высшей судебной инстанции выглядит полностью обоснованным и в дальнейшем комментировании не нуждается.

2. По второму требованию Верховный Суд выдвинул достаточно сложную аргументацию. Сначала было отмечено, что право на оспаривание решения принадлежит только участникам общества как лицам, которые «продолжают нести риск общего дела» (довод 1-й). Затем было отмечено, что статус участника материнского общества не дает право оспаривать решения общего собрания участников дочернего, внучатого и т.д. обществ, поскольку «это нарушало бы частную автономию непосредственных участников соответствующих обществ и противоречило бы принципу невмешательства в частные дела» (довод 2-й). Этих доводов было бы достаточно, чтобы согласиться с решениями нижестоящих судов, отклонивших требования истца в этой части, однако Верховный Суд решил пойти дальше и найти основания для защиты его интересов. Эта часть рассуждений представляет для настоящего исследования наибольший интерес.

3. Высшая судебная инстанция начала свою специальную аргументацию с постулирования решений собраний как «особого вида сделок» (довод 3-й). Следом был тут же выдвинут новый постулат: голосование на общем собрании участников (акционеров) подобно сделкам, поэтому к нему могут быть применены правила о недействительности сделок, предусмотренные главой 9 ГК РФ (довод 4-й). Из этих двух доводов делается вывод, что «недействительность голосования может повлечь за собой недействительность и решения общего собрания участников в случае, когда такое голосование могло повлиять на результаты голосования или было поражено пороком воли» (довод 5-й).

4. Последний вывод позволяет Верховному Суду перейти к напоминанию, что в силу пункта 1 статьи 174 ГК РФ сделка может быть признана недействительной, если ее совершение нарушало условия осуществления полномочий руководителя организации, как они определены в уставе общества (довод 6-й), а также о том, что с требованием о признании сделки недействительной по данному основанию вправе обратиться также участник общества в силу абза-

ца 6 пункта 1 статьи 65² ГК РФ (довод 7-й). При этом суд оговорился, что на подобные требования распространяются не сроки исковой давности, предусмотренные статьей 181 ГК РФ, а сроки, предусмотренные законодательством о хозяйственных обществах и ГК РФ для решений собраний (довод 8-й).

5. После изложения приведенных доводов Верховный Суд перешел к анализу конкретных обстоятельств дела и нашел, что они могут быть полностью к ним применены, в том числе потому, что другая сторона «сделки» в данном случае не могла не знать об отсутствии у исполнительного органа общества «ССТ» права голосовать на собрании от 02.03.2022.

Однозначно можно сказать, что в правильности доводов 6 и 7 усомниться нельзя, поскольку они представляют собой повторение положений законодательства. Тожественный вывод хотелось бы сделать с учетом изложенного в начале этой статьи и в отношении доводов 1 и 2, если бы не одно «но» – в правильности этих доводов сомневается сам Верховный Суд. Это видно по тому, что сразу за этими доводами в тексте определения следует анализ статьи 46 Конституции Российской Федерации, суть которого сводится к тому, что а) право заявлять иски от имени обществ, где лицо имеет только опосредованный экономический интерес¹⁷, или б) заявлять иски об оспаривании решений органов управления в таких обществах¹⁸ «допустимо только в исключительных случаях», когда будет доказана невозможность защитить права лица «посредством гарантированных лицу правопорядком местонахождения соответствующего общества способов защиты в рамках общества, в котором он имеет прямой экономический интерес». Конечно, подобная оговорка еще не свидетельствует о готовности Верховного Суда России признать возможность безусловного заявления «множественных производных исков» или о включении всех «конечных собственников» корпораций в число лиц, наделенных правом требовать признаний решений органов управления корпорацией недействительными. Однако эта оговорка свидетельствует о том, что дальнейшее движение Верховного Суда в этом направлении не исключено, если избранный в рассматриваемом определении путь окажется неэффективным.

Самыми спорными в акте Верховного Суда выглядят доводы 3, 4 и 8. Вопрос об отличиях решений собраний от сделок был достаточно широко рассмотрен в литературе, и были высказаны существенные возражения против отождествления этих двух юридических фактов [33, с. 15–19; 34]. Ввиду этого интересным вы-

глядит подход Верховного Суда, который на таком отождествлении настаивает, но вот в вопросе о правовой природе голосования на общем собрании участников такой категоричной позиции не занимает, допуская, как видится, применение в данном случае правил о сделках только по аналогии¹⁹. Однако аналогия в этом случае получается, по сути, двойная: основания недействительности берутся из правил о сделках, а сроки обращения с соответствующими требованиями – из правил о недействительности решений собраний.

В связи с этим возникает вопрос: можно ли действительно к голосам участников гражданско-правового сообщества применять правила о сделках, пусть и по аналогии?

Нашему праву известны случаи, когда закон, говоря о сделках, в действительности устанавливает правила, применимые к более широкому кругу юридических фактов. Так, в пункте 1 статьи 181 ГК РФ говорится о «сделке, совершенной одним лицом (представителем) от имени другого лица (представляемого) в силу полномочия», однако сложно усомниться, что ее правила применимы также и к другим юридическим действиям, совершаемым одним лицом от имени другого [35, с. 15–16]. Такой постулат согласуется и с положениями законодательства о хозяйственных обществах, которые подтверждают возможность участника компании участвовать в деятельности ее высших органов через представителя посредством выдачи доверенности (абзац 2 пункта 2 статьи 37 ФЗ об ООО; абзац 3 пункта 1 статьи 57 ФЗ об АО). Тем не менее это все еще не свидетельствует о том, что правила о сделках могут и в иных случаях применяться к актам голосования. В пользу такой неприменимости говорит следующее:

а) голосование в рамках гражданско-правового сообщества еще менее, чем решение собраний, похоже на сделку, в том числе потому, что оно, в отличие от решений собраний, никогда не влечет возникновения, изменения или прекращения гражданских прав или обязанностей (статья 153 ГК РФ). Более того, для голосования представляется совершенно безразличным то, на что оно было направлено (на установление, изменение или прекращение гражданских прав) и было ли оно направлено на что-либо вообще (например, в ситуации, когда участник по какому-то вопросу воздерживается). По своей правовой природе голосование есть не что иное, как юридический поступок, то есть такое действие, правовые последствия от которого возникают независимо от воли действовавшего лица;

б) законодатель, устанавливая общие основания оспоримости и ничтожности решений

собраний (статьи 181⁴ и 181⁵ ГК РФ), исходил из того, что порок голосования лица, принявшего участие в собрании, – это порок, влияющий не на само голосование, а на принятое (принимаемое) решение в виде его оспоримости (подпункт 2 пункта 1 статьи 181⁴ ГК РФ) или ничтожности (подпункт 2 статьи 181⁵ ГК РФ). В таких условиях применение правил статьи 174 ГК РФ по аналогии должно подчиняться той же логике: информированность других участников собрания об ограничении полномочий представителя юридического лица учредительными документами должна приниматься во внимание именно в контексте заявления требований об оспоримости или ничтожности решения собрания, но никак не в виде самостоятельного оспаривания акта голосования.

Как можно видеть, ни подход, предложенный Арбитражным судом Северо-Западного округа в деле № А56-62239/2017, ни даже подход, предложенный Верховным Судом в деле № А40-219032/2022, нельзя полностью признать соответствующими закону. В первом случае основной недостаток заключается в том, что суд прибегает к крайне расширительному толкованию понятия «решение», не предлагая при этом существенных оснований для признания такового недействительным. В другом случае коренной недостаток можно видеть в расхождении предложенного подхода с той логикой, которую законодатель заложил в гражданский закон. Все перечисленные обстоятельства заставляют нас усомниться в перспективности второго пути, так же как ранее мы усомнились в перспективности первого.

Третий путь заключается в том, что мы возвращаемся к первому варианту, однако теперь не в виде законодательного расширения возможных инициаторов признания решений гражданско-правовых сообществ недействительными или в виде такого же расширения посредством проведения сложных аналогий с иным законодательством, но посредством построения целостной позиции в рамках гражданского закона.

Выше мы видели, что правила о решениях собраний содержат пробел в вопросе о том, как быть в случае участия в собрании представителя, полномочия которого ограничены внутренним документом корпорации. В таких условиях представляется допустимым применение к соответствующим отношениям правил статьи 174 ГК РФ по аналогии (пункт 1 статьи 6 ГК РФ). Тем более допустимым в таких условиях видится допущение косвенного иска участника по правилам абзаца 6 пункта 1 статьи 65² ГК РФ, поскольку иное бы означало отход от принципа

недопущения извлечения преимуществ из своего недобросовестного поведения (пункт 4 статьи 1 ГК РФ). Причем подобная аналогия видится допустимой не только применительно к пункту 1 статьи 174 ГК РФ, но также и применительно ко второму пункту той же статьи, которым устанавливается допустимость признания сделки недействительной ввиду ее направленности к ущербу интересам представляемого, о чем другая сторона знает или должна бы знать.

Таким образом, проведенное исследование позволило прийти к следующим выводам.

1) Общеизвестным и однозначно допустимым способом судебной защиты с точки зрения действующего права в случае осуществления руководителем организации своих полномочий ненадлежащим образом является обращение с требованием о взыскании с него убытков. Такое требование является также допустимым, если убытки корпорации носят косвенный характер, то есть возникают вследствие непринятия руководителем надлежащих мер по взысканию убытков с руководителей дочерних организаций. При этом прямой иск к руководителям дочерних организаций с точки зрения действующего права абсолютно невозможен.

2) Если вредоносные действия руководителя заключались в его голосовании на общем собрании участников дочерней организации определенным образом, то допустимым является предъявление требования о признании решения соответствующего собрания недействительным. Текущая правоприменительная практика свидетельствует об однозначной приемлемости подобного требования в случае ничтожности соответствующего решения.

3) При этом ни на законодательном уровне, ни на уровне правоприменительной практики не решен вопрос о допустимости признания требований участников корпорации о признании недействительными решений, относимых в силу закона к оспоримым. В текущей правоприменительной практике еще не был выработан подход, который бы позволял решить эту проблему. В рамках настоящей статьи мы предложили решить ее через применение правил абзаца 6 пункта 1 статьи 65² и статьи 174 ГК РФ к соответствующим правилам подпункта 2 пункта 1 статьи 181⁴ ГК РФ по аналогии, как наиболее схожим по содержанию. При таком подходе участник корпорации, представитель которой (единоличный исполнительный орган) осуществлял свои полномочия без учета внутренних ограничений или действовал прямо в ущерб интересам представляемого им лица, вправе при условии наличия осведомленности других участников собрания о данных обстоятельствах

требовать признания соответствующих решений недействительными. Находим, что подобное понимание целесообразно закрепить на уровне разъяснений судебной практики высшей судебной инстанцией.

Примечания

1. В силу пункта 3 статьи 67³ ГК РФ подобный иск принадлежит только дочернему обществу против материнской компании в случае причинения действиями или бездействиями последней убытков дочернему обществу.

2. В данном деле руководитель основного хозяйственного общества был лицом, определяющим «вредоносное» решение дочернего общества, причинившее убытки дочернему и одновременно и основному обществу (<https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70072110/>).

3. Не будет исключением из этого правила и гипотетическая ситуация, когда в качестве материнской организации будет выступать хозяйственное товарищество, поскольку в силу прямого указания закона «каждый участник полного товарищества вправе действовать от имени товарищества» (пункт 1 статьи 72 ГК РФ), то есть поданный таким товарищем иск будет именно иском товарищества в целом, а не товарища как участника товарищества.

4. В литературе высказываются мнения как в поддержку данной позиции (например, О.В. Петникова исходит из того, что поскольку субъектом корпоративных прав может быть только участник, постольку лицо, вышедшее из общества, перестает быть субъектом, а поэтому утрачивает и право на защиту [10, с. 103–104]), так и против такого подхода. Например, К.В. Нам согласен с тем, что, основываясь на «доктрине правопреемства» между новым и предыдущим участником хозяйственного общества, «право обжалования... носит... «личный» характер... связано с определенным лицом» и «не может... свободно обращаться в гражданском обороте» [11, с. 342]. Однако К.В. Нам не согласен, что «доктрина правопреемства» применима в данном случае. С его точки зрения, права к новому акционеру не переходят от предыдущего, а «возникают», подобно тому «как в случае с вступлением в политическую партию: вступил в партию и у тебя возникли определенные права и обязанности... Ты не получил чьи-то права и обязанности, а у тебя возникли твои субъективные права и обязанности» [11, с. 344]. На основании этих рассуждений К.В. Нам приходит к выводу, что «временный фактор» может применяться только как «дополнительный критерий» при определении того, нарушены ли какие-либо «права и интересы конкретного акционера», не являясь решающим, если нарушение последних установлено [11, с. 344].

5. Данное понятие на русский язык чаще всего переводят как «косвенный иск», но, на наш взгляд, корректнее переводить это словосочетание как «производный иск», чтобы исключить вероятность смешения с более широким понятием «косвенного иска» по русскому праву.

6. Так, Бен Петтет (Ben Pettet), объясняя сущность *derivative action*, поясняет, что это «возможность участника реализовать право, которое принадлежит компании, на подачу иска против своих директоров за нарушение последними обязанностей» («*The derivative action enables the shareholder to enforce the right which is vested in the company to sue its directors for breach of duty*») [18, p. 220].

7. Это утверждение справедливо и для производных исков (*derivative actions*) по зарубежному праву, поскольку в таком случае «все взысканные убытки направляются компании» [18, p. 220].

8. См. также п. 17 Обзора судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.12.2019) [21] (далее – Обзор практики по хозяйственным обществам) («[С]оставной частью интереса общества являются в том числе интересы участников... [поэтому] ущерб интересу общества также имеет место, когда сделка хотя и не причиняет ущерб юридическому лицу, но не является разумно необходимой для хозяйствующего субъекта, совершена в интересах только части участников и причиняет неоправданный вред остальным участникам общества, которые не выражали согласие на совершение соответствующей сделки»).

9. См. пункт 12 Обзора практики по хозяйственным обществам. Иное могло бы быть в случае, если бы в качестве нормативной основы для признания решения недействительным по такому основанию использовалась бы не статья 10 ГК РФ (нарушение запрета осуществлять гражданские права исключительно с намерением причинить вред другому лицу), а пункт 4 статьи 181⁵ ГК РФ (противоречие решения основам правопорядка и нравственности), но ввиду сложившейся в российской правоприменительной практике традиции классифицировать подобные требования как заявленные именно в порядке статьи 10 ГК РФ изменение подхода в этой части выглядит маловероятным.

10. Так, подобное правило (применительно к «производным искам» участников материнских обществ, предъявляемых в интересах дочерних) закреплено в законодательстве Австралии, Канады, Новой Зеландии, Южной Кореи и Японии.

11. Для примера можно привести законодательство Франции, положения (ст. L225-252 и L225-120) Торгового кодекса (Code de Commerce) 2000 года которой однозначно закрепляют право на предъявление косвенного иска только за участниками компании [22].

12. ФЗ об АО не содержит нормы, позволяющей акционеру обжаловать решения единоличного исполнительного органа, однако такое право за ним признано судебной практикой (см.: пункт 27 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 18.11.2003 № 19 «О некоторых вопросах применения Федерального закона «Об акционерных обществах» [23] (далее – Постановление № 19)).

13. Так, Ю.С. Харитонов и И.С. Шиткина считают, что «решения единоличного исполнительного органа выражаются [только] в издании приказов, распоряжений, совершении сделок» [25, с. 194–211]. Важно отметить, что не до конца понятно, что ука-

занные авторы понимают под «совершением сделок» в приведенном контексте, поскольку далее они пишут об «обжаловании совершенных единоличным исполнительным органом сделок» как о самостоятельном способе защиты, не связанном с правилами пункта 3 статьи 43 ФЗ об ООО.

14. По сути, Высший Арбитражный Суд в этом определении отождествил «решения» в смысле пункта 3 статьи 43 ФЗ об ООО с локальными нормативными актами, о которых идет речь в статье 8 Трудового кодекса Российской Федерации [28].

15. Аналогичные основания закреплены в пункте 6 статьи 48 ФЗ об АО и пункте 24 Постановления № 19.

16. Так, в деле № А41-66944/2021 истец обратилась в арбитражный суд с иском о признании «недействительной сделки по увеличению уставного капитала» и о применении последствий недействительности в виде возвращения в исходное состояние. Суд в этом деле квалифицировал действия по увеличению уставного капитала общества с 10 тыс. рублей до 1 млн рублей за счет вклада третьего лица, принимаемого в общество (990 тыс. рублей), ввиду отсутствия «объективной необходимости и разумности», как притворную сделку (пункт 2 статьи 170 ГК РФ), прикрывающую в действительности сделку по отчуждению 99% доли участия, совершение которой в силу положений части 3 статьи 35 СК РФ невозможно без получения предварительного нотариального согласия другого супруга, почему признал соответствующую сделку недействительной [31] (решение устояло во всех инстанциях вплоть до Верховного Суда РФ).

17. Очевидно, в данном случае речь идет о рассмотренных в начале этой статьи «двойных» или «множественных» «производных исках» (*double or multiple derivative actions*).

18. Речь идет о рассматриваемом в настоящем разделе расширении круга лиц, имеющих право обратиться с требованием о признании решений собраний недействительными.

19. Важно отметить, что если предлагаемый Верховным Судом довод 5 является верным – а он должен быть правильным, поскольку полностью повторяет смысл пункта 1 статьи 167 ГК РФ, гласящей, что «недействительная сделка не влечет юридических последствий, за исключением тех, которые связаны с ее недействительностью», – то истинность его, на наш взгляд, нисколько не поколебал бы тот факт, что решения собраний не являются сделками: если по правилам о недействительности сделок были признаны недействительными голоса, которые подал один из участников гражданского сообщества, то недействительным в силу отсутствия надлежащего большинства голосов (ст. 181⁵ ГК РФ) будет всякое решение собраний, признаем мы его сделкой или нет.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации: Часть первая – четвертая // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

2. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 06.03.2012 № 12505/11 по делу

№ А56-1486/2010 // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2012. № 6.

3. Painter W.H. Double Derivative Suits and Other Remedies with Regard to Damaged Subsidiaries // Indiana Law Journal. 1961. Vol. 36. P. 143–162.

4. Флейшиц Е.А. Обязательства из причинения вреда и неосновательного обогащения. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1951. 239 с.

5. Постановления АС Волго-Вятского округа от 16.03.2022 по делу № А79-9876/2020. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/47bdd369-eaf6-46d2-a15a-c48a85d63f66/0b4e9ae0-e6a5-40b2-95ba-25bf70a226cd/A79-9876-2020_20220316_Postanovlenie_kassacionn_oj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 24.01.2024).

6. Халифаев И.З. Множественные косвенные иски: сравнительно-правовой опыт в преломлении российской действительности // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2023. № 12. С. 111–126.

7. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 7. Ст. 785.

8. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 1. Ст. 1.

9. Определение Верховного Суда РФ от 18.09.2020 № 307-ЭС20-12578. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/22424cf1-45f8-4aa5-96a1-35cd20a587b4/1833d174-ce54-43f2-8e32-cb19db28fad1/A13-8608-2019_20200918_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 09.03.2023).

10. Петникова О.В. Защита прав участников корпоративных отношений // Журнал российского права. 2002. № 6. С. 102–105.

11. Нам К.В. Обжалование акционером решений органов управления акционерного общества (некоторые проблемы в теории и практике) // Недействительность в гражданском праве: проблемы, тенденции, практика: Сборник статей / Рук. авт. кол. и отв. ред. докт. юрид. наук М.А. Рожкова. М.: Статут, 2006. С. 334–350.

12. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17.02.2015 № 404-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Вороиной Светланы Викторовны на нарушение ее конституционных прав статьей 181.5 Гражданского кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=421089#hJVrzXT06XDtJCzW> (дата обращения: 09.03.2023).

13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

14. Определение Верховного Суда РФ от 31.03.2016 № 305-ЭС15-14197. URL: https://www.vsrf.ru/stor_pdf_ec.php?id=1427172 (дата обращения: 09.03.2023).

15. Определение Верховного Суда РФ от 12.05.2017 № 305-ЭС15-14197. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/0d788049-d131-49cb-ad40-2b9e4b2f6b79/7b261959-57e0-4645-97ea-d59cf06054f9/A40-104595-2014_20170512_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 09.03.2023).
16. Белова М., Макин Р. Двойные (множественные) косвенные иски: сравнительно-правовой обзор и некоторые соображения о перспективах института в российском праве // *Цивилисты о юридических лицах: Сб. науч.-практ. публикаций*. М., 2022. С. 292–301.
17. Липин А.П. Многократные косвенные иски: подход английского корпоративного права и перспективы в российском праве // *Отечественная юриспруденция*. 2019. № 4 (36). С. 26–29.
18. Pettet V.G. *Company law*. Pearson, Longman, 2005. XLV, 437 p.
19. Виленский Н.М. Двойные (множественные) косвенные иски в российской судебной практике: проблемы и противоречия // *Вестник экономического правосудия Российской Федерации*. 2023. № 10. С. 94–113.
20. Определение Верховного Суда РФ от 25 июня 2021 года № 308-ЭС21-1740 по делу № А32-2305/2020. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/b50a5077-c4fc-4204-b973-44ec25775685/0e9951e9-f671-4598-8ed3-76f0adacbea8/A32-2305-2020_20210625_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 25.10.2023).
21. Обзор судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах // *Бюллетень Верховного Суда РФ*. 2020. № 5.
22. Code de Commerce [Электронный ресурс]. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXTE000005634379/ (дата обращения: 19.01.2024).
23. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 18.11.2003 № 19 «О некоторых вопросах применения Федерального закона «Об акционерных обществах» // *Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации*. 2004. № 1.
24. Постановление арбитражного суда Северо-Западного округа от 22 ноября 2018 года по делу № А56-62239/2017. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/cc9a0844-fade-40ff-bae3-43c1383ebc57/f19ef31b-9a58-4805-9925-a626fb319445/A56-62239-2017_20181122_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 09.03.2023).
25. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об обществах с ограниченной ответственностью»: в 2 томах. Т. 2 / Под ред. И.С. Шиткиной. М.: Статут, 2021. 494 с.
26. Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 12.05.2009 № ВАС-5274/09 по делу № А60-11224/2008-С11. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=93189&cacheid=6F646D9F0AD3488E1992F43057DAC5FF&mode=spl us&rnd=y02zRQ#oAFPD2U256hDcTdE1> (дата обращения: 23.01.2023).
27. Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 03.07.2009 № ВАС-8105/09 по делу № А32-12181/08-55/191. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?BASENODE=g3&req=doc&cacheid=5A96DD0BD3099438B562E1FE7925BF0D&mode=backrefs&rnd=y02zRQ&base=ARB&n=99319#BKOPD2UGR3nJk99B1> (дата обращения: 23.01.2023).
28. Трудовой кодекс Российской Федерации // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2002. № 1. Ст. 3.
29. Определение Верховного Суда РФ от 11 июня 2020 года № № 306-ЭС19-24912 по делу № А65-3053/2019. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/fa1a8013-835c-4160-be68-ecfdacbd3b0e/6a1b991d-b767-450b-a400-78fa8a0c3958/A65-3053-2019_20200611_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 24.01.2023).
30. Постановление Федерального арбитражного суда Центрального округа от 28 февраля 2013 года по делу № А48-1462/2012. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/dd9882ae-6632-460e-9804-49a7032e4525/c886713d-2a58-4ee4-9fd2-ee6d974f97a7/A48-1462-2012_20130228_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 20.02.2023).
31. Решение арбитражного суда Московской области от 27 апреля 2022 года по делу №А41-66944/2021. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/9f5dc351-5ee1-41ce-8639-8bb1973f102d/8f9c7130-41ba-462b-9b73-a42ae64218c5/A41-66944-2021_20220427_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 07.03.2023).
32. Определение Верховного Суда РФ от 16 ноября 2023 года № 305-ЭС23-13487 по делу № А40-219032/2022. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/71c54453-b60d-4b5b-b1f5-c006cede1c80/34746305-98a0-40c4-9162-832f04583e63/A40-219032-2022_20231116_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 12.01.2024).
33. Ерчак С.В. К вопросу о соотношении сделки и решения собрания // *Сфера права*. 2020. № 4. С. 10–20.
34. Телешинин А.А. Соотношение решения собрания и гражданско-правовой сделки: доктринальные и практические аспекты // *Хозяйство и право*. 2020. № 4 (519). С. 107–116.
35. Егоров А.В., Папченкова Е.А., Ширвиндт А.М. Представительство: исследование судебной практики. М.: Статут, 2016. 383 с.

PROTECTION OF CORPORATE RIGHTS FROM UNREASONABLE AND UNFAIR ACTIONS OF THE DIRECTORS OF THE CORPORATION

V.K. Levashov

The paper examines the issue of possible legal remedies that company members can use to protect their rights from unreasonable and dishonest actions of the corporation directors. The author comes to the conclusion that currently the most available remedy of protection for members is a derivative action to recover damages from the directors of the company; the use of other legal remedies is either impossible or seriously complex due to legal restrictions. Author

proposed a new approach to justify the admissibility of a corporation member challenging decisions made by a subsidiary of the corporation in the event that the directors of the corporation participating in the vote go beyond the powers granted to them or vote for a decision that is clearly aimed at the detriment of the corporation.

Keywords: juridical persons, derivative actions, director's liability, resolution of meetings, challengeability and nullity of meeting resolutions.

References

1. The Civil Code of the Russian Federation: Part One – Four // CL RF. 1994. № 32. Art. 3301.
2. Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 06.03.2012 № 12505/11 in case № A56-1486/2010 // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2012. № 6.
3. Painter W.H. Double Derivative Suits and Other Remedies with Regard to Damaged Subsidiaries // Indiana Law Journal. 1961. Vol. 36. P. 143–162.
4. Fleishits E.A. Obligations from harm and unjustified enrichment. M.: State Publishing House of Legal Literature, 1951. 239 p.
5. Resolutions of the Volga-Vyatka District Court of 16.03.2022 in case № A79-9876/2020. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/47bdd369-eaf6-46d2-a15a-c48a85d63f66/0b4e9ae0-e6a5-40b2-95ba-25bf70a226cd/A79-9876-2020_20220316_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (Date of access: 24.01.2024).
6. Khalifaev I.Z. Multiple indirect claim: comparative legal experience in the refraction of Russian reality // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2023. № 12. P. 111–126.
7. Federal Law № 14-FL of 08.02.1998 «On Limited Liability companies» // Collection of legislation of the Russian Federation. 1998. № 7. Art. 785.
8. Federal Law № 208-FL dated 26.12.1995 «On Joint-Stock Companies» // CL RF. 1996. № 1. Article 1.
9. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 18.09.2020 № 307-ES20-12578. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/22424cf1-45f8-4aa5-96a1-35cd20a587b4/1833d174-ce54-43f2-8e32-cb19db28fad1/A13-8608-2019_20200918_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (Date of access: 09.03.2023).
10. Petnikova O.V. Protection of the rights of participants // Journal of Russian Law. 2002. № 6. P. 102–105.
11. Nam K.V. Shareholder's appeal against decisions of the management bodies of a joint-stock company (some problems in theory and practice) // Invalidity in civil law: problems, trends, practice: Collection of articles / The head of the author's team and the responsible editor the Doctor of Law M.A. Rozhkova. M.: Statute, 2006. P. 334–350.
12. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 17.02.2015 № 404-O «On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Voronina Svetlana Viktorovna for violation of her constitutional rights by Article 181.5 of the Civil Code of the Russian Federation» [Electronic resource] // LRS «Consultant-Plus». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=421089#hJVrzXT06XDtJCzW> (Date of access: 03.09.2023).
13. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 23.06.2015 № 25 «On

the application by courts of certain provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation» // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2015. № 8.

14. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 31.03.2016 № 305-ES15-14197. URL: https://www.vsrfr.ru/stor_pdf_ec.php?id=1427172 (Date of access: 09.03.2023).

15. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 12.05.2017 № 305-ES15-14197. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/0d788049-d131-49cb-ad40-2b9e4b2f6b79/7b261959-57e0-4645-97ea-d59cf06054f9/A40-104595-2014_20170512_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (Date of access: 09.03.2023).

16. Belova M., Makin R. Double (multiple) indirect claims: a comparative legal review and some considerations on the prospects of the institute in Russian law // Civilists on legal entities: Collection of scientific and practical publications. M., 2022. P. 292–301.

17. Lipin A.P. Multiple indirect claims: the approach of English corporate law and prospects in Russian law // Domestic jurisprudence. 2019. № 4 (36). P. 26–29.

18. Pettet B.G. Company law. Pearson, Longman, 2005. XLV, 437 p.

19. Vilensky N.M. Double (multiple) indirect claims in Russian judicial practice: problems and contradictions // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2023. № 10. P. 94–113.

20. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 25, 2021 № 308-ES21-1740 in case № A32-2305/2020. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/b50a5077-c4fc-4204-b973-44ec25775685/0e9951e9-f671-4598-8ed3-76f0adac6ea8/A32-2305-2020_20210625_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (Date of access: 25.10.2023).

21. Review of judicial practice on some issues of application of legislation on business companies // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2020. № 5.

22. Code de Commerce [Electronic resource]. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000005634379/ (Date of access: 19.01.2024).

23. Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 18.11.2003 № 19 «On some issues of application of the Federal Law «On Joint Stock Companies» // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2004. № 1.

24. Resolution of the Arbitration Court of the North-Western District dated November 22, 2018 in case № A56-62239/2017. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/cc9a0844-fade-40ff-bae3-43c1383ebc57/f19ef31b-9a58-4805-9925-a626fb319445/A56-62239-2017_20181122_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (Date of access: 09.03.2023).

25. Scientific and practical commentary on the Federal Law «On Limited Liability Companies»: in 2 volumes. Vol. 2 / Ed. I.S. Shitkina. M.: Statute, 2021. 494 p.

26. Ruling of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 12.05.2009 № VAS-5274/09in

case № A60-11224/2008-C11. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=93189&cacheid=6F646D9F0AD3488E1992F43057DAC5FF&mode=splus&rnd=y02zRQ#oAFPD2U256hDcTdE1> (Date of access: 23.01.2023).

27. Ruling of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 03.07.2009 № VAS-8105/09 in case № A32-12181/08-55/191. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?BASENODE=g3&req=doc&cacheid=5A96DD0BD3099438B562E1FE7925BF0D&mode=backrefs&rnd=y02zRQ&base=ARB&n=99319#BKOPD2UgR3nJk99B1> (Date of access: 23.01.2023).

28. Labor Code of the Russian Federation // Collection of legislation of the Russian Federation. 2002. № 1. Art. 3.

29. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 11, 2020 № 306-ES19-24912 in case № A65-3053/2019. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/fa1a8013-835c-4160-be68-ecfdacbd3b0e/6a1b991d-b767-450b-a400-78fa8a0c3958/A65-3053-2019_20200611_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (Date of access: 24.01.2023).

30. Resolution of the Federal Arbitration Court of the Central District dated February 28, 2013 in case № A48-1462/2012. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/dd9882ae-6632-460e-9804-49a7032e4525/c886713d-2a58-4ee4-9fd2-ee6d974f97a7/A48-1462-2012_20130228

[_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True">_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True](#) (Date of access: 20.02.2023).

31. The decision of the Arbitration Court of the Moscow Region dated April 27, 2022 in case № A41-66944/2021. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/9f5dc351-5ee1-41ce-8639-8bb1973f102d/8f9c7130-41ba-462b-9b73-a42ae64218c5/A41-66944-2021_20220427_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (Date of access: 07.03.2023).

32. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 16, 2023 № 305-ES23-13487 in case № A40-219032/2022. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/71c54453-b60d-4b5b-b1f5-c006cede1c80/34746305-98a0-40c4-9162-832f04583e63/A40-219032-2022_20231116_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (Date of access: 12.01.2024).

33. Yerchak S.V. On the question of the relationship between the transaction and the decision of the meeting // Sphere of Law. 2020. № 4. P. 10–20.

34. Teleshinin A.A. The ratio of the decision of the agreement and the civil law transaction: doctrinal and practical aspects // Economy and law. 2020. № 4 (519). P. 107–116.

35. Egorov A.V., Papchenkova E.A., Shirvindt A.M. Representation: a study of judicial practice. M.: Statute, 2016. 383 p.